

А. Г. Пашкин**Хулиганство и борьба с ним на территории Куйбышевской и Ульяновской областей в 1945—1953 гг.**

В статье приведены результаты комплексного анализа динамики численности и причин хулиганских проявлений, а также деятельности органов милиции, прокуратуры и суда по борьбе с данным видом преступления в Куйбышевской и Ульяновской областях в послевоенное время. В ходе исследования было установлено, что ориентация правоохранительных и судебно-следственных органов на усиление борьбы с имущественными преступлениями, кадровый голод в милиции, низкий процент вовлеченности населения в бригадмил не позволили выработать действенную методику пресечения хулиганств в исследуемый период. В то же время региональные партийные организации не рассматривали злостные нарушения общественного порядка как опасное уголовное деяние, что негативно сказалось на качестве и количестве профилактических мероприятий. Уменьшение объемов реализуемых населению алкогольных напитков как наиболее действенный способ снижения числа хулиганских проявлений не было реализовано по экономическим причинам. В результате в начале 1950-х гг. в Среднем Поволжье хулиганство стало самым распространенным некорыстным уголовно наказуемым деянием.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, уголовная преступность, хулиганство, милиция.

Введение

Среди прочих уголовных деяний хулиганство имеет существенные особенности. Данный вид преступления, совершаемый не из корыстных побуждений, можно считать маркером эмоционального состояния социума. Цель настоящего исследования заключается в определении места хулиганства в структуре криминогенной обстановки, а также в реконструкции деятельности государства и общества по борьбе с ним на территории послевоенного Среднего Поволжья — крупнейшего экономического региона РСФСР.

Хулиганство послевоенного времени как объект исторического исследования почти не фигурировало в советской историографии. Труды, приуроченные к юбилеям правоохранительных и судебно-следственных органов, давали весьма размытую картину общей криминогенной обстановки в стране и столь же поверхностно раскрывали деятельность силовых структур по противодействию преступности [39; 62].

На современном этапе развития исторической мысли исследователям стали доступны многие ранее секретные архивные документы, что позволило анализировать преступность и борьбу с ней с точки зрения истории повседневности. В. В. Лунеев свел причины послевоенной преступности к прогрессирующей урбанизации [42]. Е. Ю. Зубкова справедливо отметила, что уровень послевоенной преступности был существенно выше, чем довоенной, но вследствие низкой информированности среднестатистический обыватель имел зеркально противоположное мнение [38, с. 91—93]. Весьма важный вывод о негативном влиянии доступности алкогольных напитков на рост нарушений общественного порядка в послевоенное время сделала А. Д. Попова [44, с. 64].

В последнее десятилетие вышел ряд трудов, посвященных различным аспектам борьбы с хулиганством в отдельно взятых регионах РСФСР. В границах Среднего Поволжья распространение хулиганства среди жителей сельской местности детально изучил О. Р. Хасянов, рассматривая его как способ выражения коллективного протеста на тяготы послевоенного времени [67]. Е. В. Курицына отметила, что в Пензенской области в первые месяцы после амнистии 1953 г. дерзкие формы хулиганства составляли около половины всех зарегистрированных уголовных проявлений [41, с. 767]. Весьма важными следует

© Пашкин А. Г., 2022

признать и выводы исследователей о распространении в конце 1940-х гг. хулиганств на фоне злоупотребления алкоголем среди сотрудников милиции [63, с. 130].

Источниковую основу исследования составили отчеты и докладные записки органов милиции, прокуратуры и суда, а также материалы партийных и комсомольских организаций из фондов региональных архивов Куйбышевской и Ульяновской областей, а также региональная периодическая печать. В методологическую базу исследования вошли общенаучные методы формальной логики, а также конкретно-исторические методы, принцип историзма, позволившие рассмотреть проблему борьбы с хулиганством в исторической ретроспективе, дать характеристику успешности данного процесса, выявить причинно-следственные связи в состоянии криминогенной обстановки. Привлечение большого пласта статистических данных предопределило применение методов статистического анализа, что позволило установить динамику хулиганских проявлений, подсчитать долю неоправданно подвергнутых уголовному преследованию, сделать выводы о возрастном и социальном положении лиц, допуская хулиганские действия.

Результаты исследования

Место хулиганства в структуре послевоенной уголовной преступности

Криминогенную обстановку последних военных месяцев нельзя считать относительно спокойной. В рабочих городках Куйбышева в конце 1944 г. был отмечен значительный рост убийств, вооруженных грабежей и дерзких форм хулиганств. Путем усиления наружной службы милиции и привлечения более тысячи членов групп охраны общественного порядка число преступлений удалось снизить к апрелю 1945 г. [47, л. 7—9]. Однако уже в первые послевоенные месяцы ухудшение криминогенной обстановки стало волновать жителей Среднего Поволжья. 25 июля 1945 г. в Куйбышевской областной газете «Волжская коммуна» вышла редакторская статья с критикой результатов работы правоохранительных органов. Редакция обобщила письма читателей, жаловавшихся на отсутствие какой-либо борьбы с разгулом хулиганства. Куйбышевский горотдел милиции в ответ предоставил данные о снижении числа зарегистрированных преступлений, что не помешало редакции сделать неутешительное заключение: «По поводу цифр нет нужды спорить... но это не дает основания для оптимистических выводов. Факты говорят о том, что милиция г. Куйбышева плохо еще борется с нарушителями норм общежития. Не уместно ли сейчас в связи с этим поставить вопрос о возобновлении деятельности бригадмилецев?» [66].

В действительности, рост числа преступлений, квалифицируемых по ст. 74 УК РСФСР, органы милиции стали регистрировать с июля 1945 г. В Куйбышеве опасность видели в 14 418 амнистированных, получивших свободу в июле-сентябре 1945 г., в Ульяновской области к таковым также причисляли и неустроенных инвалидов Отечественной войны. Однако большинство амнистированных вернулись к законопослушной жизни, и в той же Куйбышевской области по всем статьям УК до конца 1945 г. было привлечено 513 человек [5, л. 2, 6; 48, л. 160—161]. К лету 1946 г. в обеих областях число зарегистрированных преступлений стало снижаться, а увеличение числа осужденных было определено последствием усиления борьбы милиции с данным видом преступлений.

Данные таблицы 1 указывают, что уже к 1947 г. численность хулиганств, равно как и их доля в структуре криминогенной обстановки на исследуемой территории, в отличие от среднестатистической ситуации в стране, снизилась. Тем не менее уже в 1949 г. появилась тенденция к увеличению числа преступлений. О том, что хулиганства стали приобретать все большую дерзость, свидетельствовала тяжесть приговоров. Так, к лишению свободы в 1948 г. в Ульяновской области приговорили 63,3% осужденных, в 1950 г. — 86,4% [8, л. 11]. По итогам 1951 г. был отмечен достаточно высокий процент

рецидивистов. Тяжесть преступлений возрастала, что отразилось на применении судами мер наказания, не связанных с лишением свободы, лишь в отношении 11,3% осужденных [10, л. 26 об.]. В Куйбышевской области также стала превалировать злостная форма хулиганства, в 1951 г. было арестовано 50% привлеченных за хулиганства, в 1952 г. — 83% [53, л. 222—223, 256—258].

Таблица 1

Количество осужденных судами общей юрисдикции по ст. 74 УК РСФСР (хулиганство) в 1945—1953 гг. и доля в общем количестве осужденных* в процентах

Год	СССР	Куйбышевская область	Ульяновская область
1945	40092 (4,62%)	468 (5,05%)	390 (5,97%)
1946	69789 (6,35%)	701 (5,82%)	509 (6,60%)
1947	40133 (2,87%)	331 (2,64%)	299 (3,50%)
1948	45024 (4,23%)	285 (2,96%)	264 (4,27%)
1949	70425 (7,14%)	235 (2,97%)	332 (5,83%)
1950	71907 (7,33%)	446 (6,85%)	330 (6,13%)
1951	86016 (9,82%)	1212 (12,75%)	520 (11,25%)
1952	103981 (10,79%)	1455 (14,45%)	563 (10,58%)
1953	116592 (14,47%)	2052 (22,18%)	654 (16,01%)

Составлено по: [26, л. 15, 16, 19; 32, л. 12—24 об.; 33, л. 67—70 об., 155—161 об.; 34, л. 1, 1 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 10, 10 об.; 35, л. 2, 2 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 12, 12 об.; 36, л. 2, 2 об., 11, 11 об., 13, 13 об., 15, 15 об., 17, 17 об.; 37, л. 2, 2 об., 4, 4 об., 6, 6 об., 8, 8 об.; 73, л. 1; 74, л. 1; 75, л. 1; 76, л. 1; 77, л. 1; 78, л. 1; 79, л. 1; 80, л. 1; 81, л. 1].

* Без учета осужденных за нарушения трудовой дисциплины.

Местом концентрации хулиганств в конце 1940-х — начале 1950-х гг. оставались общественные места. Так, истинным рассадником преступности в Ульяновске была бильярдная «Динамо» на центральной улице города, где устраивалась незаконная игра на деньги. Кроме того, хулиганство проникало и в общежития промышленных предприятий, где распространение получили картежные игры на деньги, пьянство, ссоры и драки между соседями, а также незаконное проживание мужчин в бараках, предназначенных для девушек [8, л. 11]. В 1952 г. в Куйбышевской области 36% хулиганств было совершено в общественных местах, 15% — в общежитиях [52, л. 1—4; 53, л. 259]. В сельской местности как причина нарушений общественного порядка стал встречаться фактор межличностных отношений [51, л. 14].

Свою лепту в неконтролируемый рост хулиганств внесла амнистия 1953 г. Так, с января по апрель количество зарегистрированных на территории Куйбышева хулиганских проявлений снизилось со 125 до 101, но уже к октябрю 1953 г. достигло отметки 314 преступлений. Амнистированные составили 32% к общему числу осужденных [55, л. 4—5]. В Ульяновске за 10 месяцев 1953 г. по ст. 74 УК привлекли к уголовной ответственности 1131 человека, в том числе 235 освободившихся по амнистии [9, л. 66]. Прекращение уголовных дел привело к дестабилизации общественного порядка даже в воинских частях. Так, далеко не единичный случай произошел 17 мая 1953 г. в парке им. Сталина г. Сызрань. 14 ушедших в самовольную отлучку военнослужащих Отдельной железнодорожной бригады учинили массовое избиение горожан. Происшествие вызвало панику такого масштаба, что даже представитель командования бригады подполковник Р.¹ вместо принятия мер к своим подчиненным был вынужден спасти свою семью. Направленный на

¹ Здесь и далее из этических соображений имена, отчества и фамилии осужденных и потерпевших сокращены до начальной буквы фамилии.

усмирение хулиганов вооруженный взвод присоединился к бесчинствам своих сослуживцев. Остановить массовое хулиганство не смог и военный патруль из числа офицерского состава спецшколы военных летчиков. В результате происшествия в больнице оказалось несколько десятков горожан, в том числе 11 — в тяжелом состоянии [59, л. 62, 63, 106].

Статистические данные, приведенные в таблице 1, позволяют уже с начала 1950-х гг. считать хулиганство самым массовым некорыстным общеуголовным преступлением в исследуемых областях Среднего Поволжья, что делает необходимым установление детерминант данного деяния. Анализ материалов обвинительных заключений, обобщений практики работы правоохранительных и судебно-следственных органов определяет одно общее обстоятельство, а именно нахождение преступника в состоянии алкогольного опьянения. В действительности, послевоенное время отметилось доступностью спиртных напитков, а торговля ими являлась хорошим средством пополнения государственного бюджета. Снижение стоимости водки с 60 до 30 рублей явилось мерой поддержки потребительского спроса [40, с. 61]. Так, за 2 квартал 1952 г. населению Куйбышевской области было реализовано свыше 1,03 млн. литров водки, 1,30 млн. литров пива и свыше 27 тыс. литров вина, и это при том, что суммарный план реализации был выполнен менее чем на 41% [58, л. 42]. Кроме того, существовал и теневой рынок алкогольной продукции. Так, в Куйбышевской области только за 1946—1948 гг. было установлено хищение более 60 тыс. литров спирта [49, л. 16]. В Ульяновской области суммарная стоимость похищенного превысила 65 млн. рублей [82, с. 204]. Однако даже известное на всю страну ульяновское «спиртовое» уголовное дело 1949 г. не повлияло на ликвидацию теневой торговли алкоголем, так как в 1950—1952 гг. за массовое хищение продукции было осуждено 47 работников спиртовой промышленности [10, л. 52]. Как установило следствие, в обоих случаях спирт не покинул пределы областей, а был реализован населению. О том, что основная причина хулиганств не устранялась, свидетельствует рост числа лиц, подобранных с улиц в состоянии алкогольного опьянения. Так, по г. Ульяновску в 1947 г. было зафиксировано 407 таких случаев, в 1952 г. — 3242 [22, л. 51 об.].

Социальный и возрастной портрет хулигана послевоенных лет

Анализ социального портрета позволяет считать хулиганство преступлением преимущественно рабочей среды. Согласно отчетам Управления юстиции по Ульяновской области, в 1946 г. доля рабочих в составе осужденных составляла 46,3%, в 1949 г. — 65,2%, в 1952 г. — 67,3% [32, л. 16—19 об.; 33, л. 155—161 об.; 36, л. 2, 2 об., 11, 11 об., 13, 13 об., 15, 15 об., 17, 17 об.]. Большинство осужденных являлись рабочими ульяновских автомобильного завода, завода малолитражных двигателей, стройтреста № 39 и завода им. Володарского [8, л. 11]. Промышленность Куйбышевской области была намного более развитой, и в 1951 г. здесь среди осужденных к категории рабочих принадлежало 71,1%, а в 1952 г. — 80,9%. Кроме того, 55,3% лиц, представших перед судом, имели образование в объеме до 4 классов, 39,0% — до 7 классов, 5,3% — до 10 классов и 0,3% — высшее.

Возрастная градация лиц, осужденных по ст. 74 УК, не оставляет сомнений в характерности хулиганств для молодежной среды конца 1940-х — начала 1950-х гг. В Ульяновской области в 1946 г. на долю молодежи в возрасте от 18 до 25 лет приходился 41,0% преступлений, в 1949 г. — 63,8%, в 1952 г. — 76,1%. При этом в 1950 г. 25% хулиганов в регионе являлись членами ВЛКСМ [8, л. 11]. В Куйбышевской области по данным 1951 г. доля молодежи в возрасте от 18 до 25 лет составила 70% при общем проценте молодежной преступности в 64%, в 1952 г. снизилась до 54,5% [52, л. 1—4; 47, л. 259]. По итогам

1953 г. доля лиц в возрасте до 25 лет среди привлеченных к уголовной ответственности достигла отметки в 46,3% [55, л. 4—5].

Таблица 2

Число несовершеннолетних, осужденных по ст. 74 УК РСФСР, и доля в общем количестве осужденных* за совершение уголовных преступлений данной возрастной группы в процентах

Год	Куйбышевская область		Ульяновская область	
	До 16 лет	16—18 лет	До 16 лет	16—18 лет
1945	22 (6,98%)	8 (5,59%)	10 (3,93%)	60 (6,98%)
1946	12 (4,54%)	18 (18,36%)	5 (2,37%)	44 (5,70%)
1947	3 (1,38%)	—	3 (1,55%)	21 (3,06%)
1948	1 (1,00%)	—	4 (6,06%)	16 (6,50%)
1949	—	7 (5,93%)	—	6 (4,02%)
1950	1 (1,58%)	3 (4,00%)	1 (1,58%)	4 (4,12%)
1951	4 (4,30%)	16 (8,51%)	1 (1,78%)	14 (15,21%)
1952	3 (2,94%)	43 (14,05%)	7 (8,86%)	15 (9,74%)
1953	12 (12,00%)	90 (20,00%)	5 (9,26%)	33 (22,76%)

Составлено по: [32, л. 12—24 об.; 33, л. 67—70 об., 155—161 об.; 34, л. 1, 1 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 10, 10 об.; 35, л. 2, 2 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 12, 12 об.; 36, л. 2, 2 об., 11, 11 об., 13, 13 об., 15, 15 об., 17, 17 об.; 37, л. 2, 2 об., 4, 4 об., 6, 6 об., 8, 8 об.; 73, л. 1 об.; 74, л. 1 об.; 75, л. 1 об.; 76, л. 1 об.; 77, л. 1 об.; 78, л. 1 об.; 79, л. 1 об.; 80, л. 1 об.; 81, л. 1 об.].

* Без учета осужденных за нарушение дисциплины в учебных заведениях системы трудовых резервов.

Сравнивая показатели таблиц 2 и 1, можно констатировать, что хулиганство не было распространенным преступным деянием среди несовершеннолетних. Тем не менее динамика доли осужденных в возрасте от 16 до 18 лет почти полностью совпадает с усредненными показателями по общей доле осужденных по ст. 74 УК РСФСР. Преступность несовершеннолетних в Среднем Поволжье особого распространения не получила даже в 1945—1946 гг., когда, по данным Главного управления милиции НКВД СССР, доля их среди привлеченных к уголовной ответственности составляла 41—43% [27, л. 29, 49].

К началу 1950-х гг. стало регистрироваться участие в групповых нарушениях воспитанников учебных заведений системы трудовых резервов в Ульяновске и Мелекесе. Так, с сентября 1951 по май 1952 г. за систематические нарушения общественного порядка в парке им. Свердлова были задержаны 8 учащихся школы ФЗО № 9 и ремесленного училища № 3 г. Ульяновска. Свои хулиганские действия учащиеся объясняли выражением протеста на применявшиеся к ним суровые меры воспитания со стороны руководства учебных заведений. Во время следствия были вскрыты массовые случаи избиения учащихся, лишения их продовольствия [11, л. 40—43]. В Куйбышевской области хулиганством в течение нескольких месяцев 1952 г. было охвачено специальное ремесленное училище № 3 г. Чапаевска. Помимо избиения мастеров и преподавателей учащиеся предприняли нападение на 1-е отделение милиции города, где выломали окна. Как показала проверка, осуществленная по всей системе трудовых резервов области, учащиеся были в свободное время предоставлены сами себе, в ряде училищ в воспитательных целях их избивали и лишали еды [53, л. 124—125].

В местной периодической печати образ хулигана был однотипен. В «Ульяновской правде» он предстал в облике лица либо группы лиц, всегда находившихся в состоянии алкогольного опьянения. Преступники нападали на прохожих на улице, дебоширили в парках [70; 72], бесчинствовали в клубах и театрах [43], третировали соседей [69]. По сравнению с материалами ульяновской областной газеты статьи в «Волжской коммуне»

были более объемными, отличались художественным стилем слога. Так, были описаны «подвиги» некоего Кулагина-Овчинникова, который в марте 1949 г. вначале устроил потасовку в Куйбышевском театре, а затем, уже будучи задержанным милиционерами, напал на инвалида в трамвае, нанеся тому побои [68]. Места совершения хулиганств, фигурирующие в «Волжской коммуне», были идентичны указанным в «Ульяновской правде» — сельские клубы, городские парки и улицы. Однако трижды в качестве места преступления упоминался куйбышевский трамвай. Например, некий Крицин, освобожденный по амнистии 1953 г., не побоялся напасть в трамвае даже на сотрудника милиции, за что и был приговорен к 5 годам лишения свободы [71].

Состояние кадров милиции и численность бригады

Рассматривая деятельность милиции по борьбе с хулиганством, в первую очередь необходимо дать краткую характеристику ее кадрового и материального обеспечения. По состоянию на осень 1945 г. проблемы ульяновской и куйбышевской милиции были идентичны — низкая квалификация кадров, большой процент сотрудников старших возрастов, а также доходящий до 20% некомплект кадров наружной постовой службы. Неудачно проведенный в Ульяновской области в конце 1945 г. партийно-комсомольский призыв привел к тому, что уже летом 1946 г. в милицию стали принимать всех желающих. Заместитель начальника отдела уголовного розыска майор Акимов на заседании партийного актива 20 октября 1948 г. отметил: «У нас большая текучесть кадров. Органы милиции превратились в проходной двор. Стараясь заткнуть дыры, мы берем на работу людей, совершенно не знакомых со спецификой милицейской работы, ставим их на ответственные должности» [13, л. 5].

Следствием некачественной кадровой политики явилась негласная кампания по искоренению коррупции и нарушений дисциплины в органах милиции. Так, участковый уполномоченный 15-го отделения милиции г. Куйбышева Ф. в мае 1948 г. получил взятку от гражданки Ч. в размере 400 рублей, пообещав ей прекратить уголовное дело ее мужа, заведенное по ст. 74 УК. 12 октября того же года оперуполномоченный 14-го отделения милиции К., задержав в трамвае двух хулиганов, взял с них по 150 руб. и скрыл преступление. Нередко и сами милиционеры были уличены в хулиганстве. Так, 21 января 1949 г. старший инспектор отдела наружной службы Куйбышевского городского управления милиции К. в пьяном виде учинил в закусочной № 1 дебош и драку [60, л. 4, 13, 14]. В Ульяновской области отмечались случаи как покровительства хулиганов за взятки, так и непосредственно хулиганских действий, совершенных сотрудниками милиции. Например, старший оперуполномоченный 3-го отделения милиции г. Ульяновска З. свои многочисленные пьянки сопровождал избиениями жителей города, старший оперуполномоченный 2-го отделения милиции Б. за злостное хулиганство был осужден к 8 годам лишения свободы [15, л. 23]. Доступность алкогольных напитков оказала влияние даже на борцов с преступностью — по итогам 1950 г. по милиции Ульяновской области 55% преступлений были совершены сотрудниками по причине пьянства [16, л. 29].

Тем не менее такая борьба вновь приводила к кадровому голоду. С января 1949 по сентябрь 1952 г. отдельный оперативный дивизион милиции не был укомплектован на 30—40%, а амнистию 1953 г. ульяновская милиция встретила с некомплектом в 53 рядовых милиционера и 19 участковых уполномоченных при штатной численности в 1079 человек [23, л. 93]. В Куйбышевской области к концу 1945 г. было вакантно 300 ставок, в том числе 220 — рядовых милиционеров [48, л. 158]. Спустя 4 года ситуация не изменилась — из 2924 штатных единиц не было укомплектовано 437 [50, л. 240].

Частично смягчить последствия некомплекта сотрудников милиции удалось за счет привлечения общественности. В июне 1945 г. были преждевременно расформированы

группы охраны общественного порядка [1, с. 94], а численность бригады оказалась недостаточной для полноценного усиления милиции. Так, в декабре 1945 г. на уличное патрулирование Куйбышева были направлены все имевшиеся 400 бригадильцев. Такого количества людей хватило лишь для охраны центральных, освещенных улиц города. 29 декабря бюро обкома ВКП(б) постановлением обязало набрать в бригады содействия милиции 1000 человек в Куйбышеве, 200 в Сызрани и 100 в Чапаевске. Однако набор был сорван из-за нежелания руководителей организаций предоставлять отгулы сотрудникам, находившимся в патрулях в ночное время [46, л. 104, 154]. К 1949 г. в г. Куйбышеве бригады содействия милиции насчитывали 761 человека. За 1 квартал 1949 г. они отработали на постовой службе 1651 день, задержали 5 преступников, 62 нарушителя общественного порядка и подобрали 22 пьяных [60, л. 20].

В Ульяновской области наблюдалась похожая ситуация. Начальник Ульяновского областного управления НКВД 14 декабря 1945 г. сообщал в обком: «Чтобы добиться организации таких бригад, нами был поставлен вопрос в областном комитете ВЛКСМ, на котором было вынесено решение, обязывающее Ульяновский горком ВЛКСМ выделить 50 человек комсомольцев в бригады содействия милиции. Секретарь горкома ВЛКСМ Векшин на этом же заседании заверил, что люди будут выделены. Было выделено 22 человека, они пришли, но узнав, что в их функции будет входить борьба с хулиганством, что нужно будет дежурить в общественных местах, отказались, и сколько мы ни обращались после, вопрос остался неразрешенным» [5, л. 14]. К 1 июня 1946 г. численность бригад в областном центре составила 57 человек, в октябре — 90. В темное время суток бригадильцы, опасаясь действовавших в городе преступных групп, отказывались осуществлять патрулирование любых неосвещенных улиц, а также садов и парков [17, л. 12 об.]. К 1948 г. количество бригадильцев в городе увеличилось до 137, спустя 2 года достигло 201 человека. 74% членов бригад являлись комсомольцами, которые действовали в основном на центральных улицах города и рабочих городков [21, л. 90].

Летом 1953 г. в Ульяновской области предприняли еще несколько попыток увеличения численности бригады. Так, 4 сентября 1953 г. бюро Ульяновского обкома ВЛКСМ постановило к 15 октября набрать по всей области в бригады 2325 человек. К 25 октября в бригады записалось 357 комсомольцев. В восьми районах области ни один представитель молодежной организации не согласился помогать милиции. Даже в 4-м отделении милиции г. Ульяновска, на территории которого располагался непосредственно обком, вместо 111 человек в бригаду вступили только 13. Тем не менее даже 397 бригадильцев в Ульяновске, а также свыше 120 в Мелекесе и Инзе за 3-й квартал 1953 г. задержали 216 нарушителей общественного порядка [23, л. 216]. В Куйбышеве набор в бригады также был недостаточно результативным, поэтому органы милиции увеличили частоту и продолжительность дежурств. Члены бригад содействия милиции стали отрабатывать ежемесячно по 40 и более часов, демонстрируя при этом неплохие результаты. Так, член бригады 11-го отделения милиции г. Куйбышева П. Г. Клейменов каждый месяц проводил на дежурстве по 60 часов, лично задержал и доставил в отделение 12 хулиганов [55, л. 7].

Несмотря на малочисленность, патрули бригад содействия милиции, с определенной периодичностью появлявшиеся на улицах городов, выполняли свою функцию оказания помощи правоохранительным органам и влияли на улучшение охраны общественного порядка.

Борьба с хулиганством в Среднем Поволжье: механизмы и итоги

Последовавший в октябре 1945 г. приказ Главного управления милиции НКВД СССР, а вслед за ним и запросы местных обкомов ВКП(б) стали поводом к изучению област-

ными управлениями милиции причин роста хулиганств и выработке механизмов борьбы с ними. 29 декабря 1945 г. бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О неудовлетворительной борьбе с преступностью по г. Куйбышеву и Куйбышевской области». Члены бюро отметили разобщенность в борьбе с хулиганством. Первый секретарь обкома Жаворонков обрушился с критикой на руководителей правоохранительных и судебно-следственных органов, отметив, что население областного центра боится ходить по городу, чего не наблюдалось с середины 1930-х гг. О напряженности обстановки свидетельствовало и предложение обратиться к командованию Приволжского военного округа с просьбой о привлечении к наведению общественного порядка расквартированных в городе воинских частей. В целом постановление бюро поспособствовало объединению усилий работников милиции и прокуратуры, а также ориентировало на огласку результатов борьбы с хулиганством [46, л. 5—6]. В Ульяновской области бюро всю ответственность за наведение общественного порядка возложило исключительно на органы милиции, даже не пригласив на заседание облпрокурора и начальника областного управления наркомата юстиции [4, л. 14].

В марте 1946 г. Главное управление милиции объявило о необходимости концентрации всех сил на борьбе с бандитизмом и экономическими преступлениями [28, л. 3—5]. По этой причине вплоть до начала 1950-х гг. оценка борьбы с хулиганством осуществлялась по показателям числа уголовных проявлений, которое ежегодно снижалось, а также по доли раскрываемости, которая как в Куйбышевской, так и в Ульяновской областях в среднем составляла 84—86% [14, л. 2, 4; 60, л. 20]. Об усилении борьбы с данным преступным деянием речи не шло, низкий по отчетам милиции уровень зарегистрированных хулиганств создал чувство успокоенности как в органах партии и исполнительной власти, так и в прокуратуре. Когда в конце 1951 г. Управление милиции по Куйбышевской области вынесло решение об усилении борьбы с преступностью, реализовать его не удалось. Раскрываемость хулиганств снизилась до 67%, а те преступления, которые было трудно раскрыть, под всяческими предлогами не регистрировались. Усилению охраны общественного порядка не способствовала даже сеть расположения отделений милиции в городском центре. Так, сотрудники Безьянского оперпункта фактически располагались на расстоянии 12 км от обслуживаемой территории и прибывали на место происшествия спустя 3—4 часа. Ухудшал работу и весьма некачественный инструктаж наружной службы, который не отражал текущую оперативную обстановку. Медленно реагировала милиция и на жалобы населения о хулиганских проявлениях. Так, по 7-му отделению милиции г. Куйбышева, где в 1952 г. был зарегистрирован рост преступлений по ст. 74 УК на 110%, в 1951 г. из 64 жалоб было рассмотрено 20. Из-за нехватки милиционеров наружной службы к борьбе с нарушениями общественного порядка привлекались сотрудники отдела регулирования уличного движения, которые за 1952 г. задержали и доставили в отделения милиции г. Куйбышева 108 хулиганов [61, л. 34, 48, 66, 107, 163, 170, 182].

Управление милиции по Ульяновской области отреагировало на рост хулиганств в 1951 г. усилением охраны общественного порядка в кинотеатрах, клубах, ресторанах, стадионах, в парках и садах. Впрочем, это не привело к снижению хулиганств, а скорее наоборот — с центральных улиц и парков хулиганы переместились на окраины города, где действовали безнаказанно. Охватить же уличными патрулями весь город не представлялось возможным ввиду малочисленности наружной службы милиции. Качественной борьбе с хулиганством в регионе мешали и внутренние проблемы милиции. Так, в 1951 г. в 22-х районных отделениях Ульяновской области были выявлены многочисленные факты искажения отчетности по расследованным преступлениям и немотивированных отказов в возбуждении уголовных дел по жалобам на хулиганские действия. Например,

в Тереньгульском районном отделении милиции за 1951 г. было установлено 23 случая немотивированного отказа, Николаевском — 14, Инзенском — 10, Чердаклинском — 8. В целом же по области 129 заявлений о хулиганских действиях были оставлены без рассмотрения. В 1952 г. случаи укрывательства хулиганских проявлений от учета и отчетности имелись в Николаевском, Барановском, Старо-Кулаткинском, Павловском и Ново-Спасском районных отделениях. Так, в Карсунском отделении за 5 месяцев 1952 г. из 30 поступивших заявлений о хулиганстве в разработку было взято только 10, в Сурском из 42 заявлений — 7. Начальники отделений в ответ отмечали, что такое попустительство являлось следствием постоянного некомплекта кадров [18, л. 4—6; 19, л. 1, 2; 22, л. 18].

Забегая вперед, необходимо отметить и весьма плачевное техническое обеспечение милиции в 1945—1953 гг. Из-за полного отсутствия автомобилей в г. Ульяновске милиционеры пьяных дебоширов были вынуждены в отделение «таскать на себе» [25, л. 93]. Куйбышевская милиция к лету 1953 г. располагала 9-ю легковыми автомобилями, которые никоим образом не могли обеспечить надлежащую оперативность мобильных групп [59, л. 88]. Тем не менее даже в столь суровых условиях наружная служба милиции работала достаточно неплохо. Так, милиционер 1-го отделения милиции г. Ульяновска Ершов за 1951 г. задержал 82 нарушителя общественного порядка. Его коллега из 2-го отделения Костюшин в 1952 г. пресек 70 хулиганств. Физически крепкий, он в одиночку задерживал и доставлял в отделение до четырех хулиганов одновременно [20, л. 38].

На рост числа хулиганств в 1951 г. отреагировали и органы прокуратуры. Здесь необходимо оговорить достаточную вялость в решении вопроса со стороны куйбышевского облпрокурора К. А. Назарюк. По итогам выборочной проверки судебных дел по ст. 74 УК за 11 месяцев 1951 г. он доложил в обком ВКП(б), что причины увеличения хулиганств не являются следствием некачественной работы милиции, не предложив каких-либо мер для нормализации криминогенной обстановки [52, л. 5—6]. С прибытием в марте 1952 г. нового прокурора И. Д. Ветрова работники облпрокуратуры проверили все дела о хулиганствах, а также материалы, по которым было отказано в возбуждении уголовного дела. По итогам проверки были подготовлены рекомендательные письма по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка, а также проведен ряд совместных мероприятий милиции и прокуратуры. В результате к концу 1952 г. процент прекращенных дел, расследованных милицией, сократился с 7,2 до 4,7%, расследованных следователями прокуратуры — с 3,8 до 1,3%. Стали проводиться ежемесячные проверки народных судов и районных прокуратур, которые показали серьезные недостатки в работе на стадии следствия, а также волокиту в рассмотрении дел судами. Наконец, к январю 1953 г. среди основных причин роста хулиганств была определена главная — чрезвычайно мягкая судебная репрессия [53, л. 222—223, 256—258, 260—261].

В отличие от своего куйбышевского коллеги, ульяновскому облпрокурору И. П. Шленскому удалось убедить обком ВКП(б) в необходимости осуществления комплексных мер по борьбе с хулиганством, назвав основную причину роста числа преступлений — всестороннее попустительство. Указывалось на отсутствие массово-политической работы, невнимание со стороны администраций промышленных предприятий, некачественную, медленную работу органов милиции и поверхностное отношение народных судей к вынесению приговоров. Ориентированные прежде всего на борьбу с экономическими преступлениями, судьи неохотно рассматривали дела по ст. 74 УК. Нарушение сроков судебного рассмотрения достигло 28,4%, а в Карсунском и Тагайском народных судах — 100% дел [7, л. 85—86]. Даже административное преследование хулиганов нельзя было считать приемлемым. Первый секретарь обкома К. П. Бочкарев справедливо отметил: «Хулиганства приобретают массовость, злостность, несут за собой тяжкие последствия

для общества. Несмотря на ухудшение ситуации, борьбы с этим явлением не происходит. Недопустимо, когда за хулиганство налагают штраф в 20 рублей, в то время как сторожу, который вовремя не убрал мусор, назначают штраф в 50 рублей» [8, л. 17].

16 мая 1951 г. бюро Ульяновского обкома ВКП(б) приняло развернутую программу противодействия хулиганству, признав, что только силами милиции решить проблему невозможно. Была необходимость в оперативном привлечении хулиганов к уголовной ответственности и скорейшем их осуждении, что являлось задачей органов суда и прокуратуры. Народных судей обязали проводить показательные судебные процессы. Руководителям предприятий бюро порекомендовало навести порядок в общежитиях, обкому комсомола и отделу народного образования — усилить профилактическую работу. Сроки выполнения постановления — к 1 июля и 1 ноября 1951 г. — были поставлены только перед милицией и судебно-следственными органами [6, л. 40—42].

1 июня 1951 г. на оперативном совещании при прокуроре области были озвучены разнообразные методы усиления борьбы с хулиганством. Прокурор следственного отдела Филимоновская предложила районным прокурорам поддерживать обвинение во всех уголовных процессах о хулиганствах, прокурор отдела общего надзора Кропачев взял на себя анализ уголовных дел за период 1949—1950 гг. для разработки практических рекомендаций органам милиции. Заместитель прокурора области Лопата также внес предложение изъять все дела по ст. 74 УК из органов милиции и закончить их силами следователей [29, л. 179—182].

Оставив без внимания постановление бюро обкома, суды по-прежнему применяли к хулиганам мягкие меры наказания. Так, в 3 квартале 1951 г. нарсудом 1-го участка Сталинского района г. Ульяновска из 10 привлеченных к ответственности по ст. 74 УК было осуждено к условным мерам наказания 5 человек, в Радищевском районе из 4 человек — 2 человека [10, л. 27]. В целом же по области за 1951 и первое полугодие 1952 г. к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, было приговорено 20,8% осужденных. Сторону вынесения мягких приговоров занял и Ульяновский областной суд, оставив в силе 64% от числа опротестованных прокурорами. Областное управление министерства юстиции также не выполнило распоряжение бюро обкома, так как за время с января по июнь 1952 г. сроки судебного разбирательства были соблюдены лишь в 78,6% дел [30, л. 37—39]. В ноябре 1952 г. сотрудники прокуратуры Ульяновской области провели проверку большинства заявлений о хулиганстве, по которым органы милиции отказали в возбуждении уголовных дел. На скамье подсудимых оказались 207 хулиганов, которые могли бы избежать наказания. В результате таких действий количество хулиганств в январе — феврале 1953 г. снизилось на 30% [31, л. 19—19 об.].

Последствия мартовской амнистии 1953 г. внесли серьезные коррективы в дело охраны общественного порядка. Были прекращены производством уголовные дела в отношении 40% дел, связанных с хулиганскими выходками, благодаря чему преступники не понесли заслуженной кары и почувствовали безнаказанность. Рост преступности вынудил 16 июня 1953 г. Куйбышевский обком ВКП(б) принять постановление «Об усилении охраны общественного порядка в г. Куйбышеве». В начале июля 1953 г. для усиления наружно-оперативных мероприятий были созданы группы из 609 милиционеров, которые осуществляли патрулирование, а также оперативные подвижные патрульные группы численностью до 5 человек, которые объезжали места концентрации криминального элемента. Затем на выявление злостных хулиганов был ориентирован уголовный розыск и работники БХСС. 20 октября 1953 г. бюро обкома потребовало от милиции и прокуратуры направить все имевшиеся силы на охрану общественного порядка. Кроме того, впервые с 1945 г. к профилактике хулиганств привлекли все комсомольские и профсоюзные комитеты области. В определенной степени это принесло свои результаты. В декабре 1953 г.

число хулиганств снизилось на 9,3%, в 1 квартале 1954 г. — на 10,8%, во 2 квартале — на 21,1% [54, л. 81—82; 56, л. 118, 120].

В Ульяновской области противодействие распространению хулиганств стало осуществляться только после получения постановления Совета Министров СССР «О мерах по улучшению охраны общественного порядка и борьбы с преступностью» от 27 августа 1953 г., и вновь исключительно органами милиции. В первую очередь была расширена агентурная сеть и усилено наблюдение за преступным элементом, что не всегда было уместно при недостатке кадров милиционеров. К концу октября 1953 г. уровень уличных хулиганств в г. Ульяновске увеличился до такой степени, что участковые уполномоченные ежедневно по 10—12 часов тратили только на оформление заявлений пострадавших. К этому времени ряд оперативных сотрудников перевели на казарменное положение, а в целом продолжительность рабочего дня достигала 20 часов [24, л. 98]. Лишь 17 ноября 1953 г. Ульяновский обком ВКП(б) порекомендовал правоохранительным и судебным органам разработать общую программу изменения охраны общественного порядка. Органы комсомола и профсоюзные организации остались в стороне от проблемы [9, л. 66]. Нормализация работы правоохранительных органов, а также снижение числа зарегистрированных уголовных проявлений в регионе на 10,5% произошло только в феврале 1954 г. [12, л. 14].

В целом дать характеристику качеству работы органов милиции, суда и прокуратуры позволяет выявление доли числа лиц, оправданных судом либо в отношении которых уголовное преследование было прекращено, что в официальных документах именовалось браком. Согласно данным таблицы 3, в Куйбышевской области работа правоохранительных и судебных органов была намного качественнее, что вполне объясняется лучшей подготовкой кадров. В исследуемый период на территории региона функционировала школа милиции, а также юридический институт. В Ульяновской области специальных образовательных учреждений юридической направленности не имелось. Высокая доля брака в 1953 г. стала следствием амнистии, по которой прекратили значительное количество уголовных дел о хулиганстве.

Таблица 3

Количество брака, допущенного по ст. 74 УК, с указанием среднего значения доли брака в 1945—1953 гг.*

Год	Куйбышевская область			Ульяновская область		
	Кол-во, чел.	Доля брака по ст. 74 УК, %	Средняя доля брака, %	Кол-во, чел.	Доля брака по ст. 74 УК, %	Средняя доля брака, %
1945	18	1,21	10,09	82	17,82	17,21
1946	10	1,40	5,59	120	19,07	12,71
1947	7	2,07	3,30	95	24,11	12,80
1948	7	2,39	5,83	72	21,36	15,86
1949	27	10,30	11,30	67	16,79	16,28
1950	29	6,10	13,63	31	8,58	14,09
1951	98	7,48	14,80	37	6,73	14,28
1952	83	5,39	13,79	28	4,73	13,35
1953	305	15,79	29,86	94	12,56	20,11

Составлено по: [32, л. 12—24 об.; 33, л. 67—70 об., 155—161 об.; 34, л. 1, 1 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 10, 10 об.; 35, л. 2, 2 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 12, 12 об.; 36, л. 2, 2 об., 11, 11 об., 13, 13 об., 15, 15 об., 17, 17 об.; 37, л. 2, 2 об., 4, 4 об., 6, 6 об., 8, 8 об.; 73, л. 1; 74, л. 1; 75, л. 1; 76, л. 1; 77, л. 1; 78, л. 1; 79, л. 1; 80, л. 1; 81, л. 1].

* Без учета привлеченных к уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины.

Именно в начале 1950-х гг. работники суда и прокуратуры оказались под значительным нажимом партийных организаций, которые нещадно критиковали их за каждый случай незаконного привлечения к уголовной ответственности. Дошло до того, что секретарь Иса克林ского райкома Ф. П. Воробьев прекратил давать санкции районному отделу милиции на возбуждение уголовных дел в отношении членов ВКП(б), отмечая, что будет воздействовать на них мерами партийного взыскания. Чаша терпения начальника отделения была переполнена после отказа в согласовании ареста кандидата в члены ВКП(б) Л., который в январе-феврале 1953 г. совершил ряд хулиганских действий, в том числе избил несколько человек на местном агитационном пункте. Райком мотивировал свой отказ тем, что Л. на протяжении нескольких лет являлся лучшим бригадиром тракторной бригады. Не отставали от райкомов и первичные партийные, комсомольские и профсоюзные организации. Так, в июле 1952 г. рабочий завода им. Ворошилова Ш. был направлен на уборку урожая в совхоз им. Наркомсовхозов Больше-Черниговского района. В состоянии опьянения он затеял драку, в которой пострадало несколько человек. Больше-Черниговский народный суд отправил хулигана в места заключения на один год, с чем не согласилась дирекция, партийный и комсомольский комитеты завода. Коллективным письмом они обратились в Куйбышевский обком ВКП(б) с просьбой оказать воздействие на областной суд, указывая при этом, что Ш. являлся ударником труда, перевыполнявшим нормы на 180%. Оставить приговор в силе удалось только благодаря жесткой позиции председателя Куйбышевского областного суда, который разъяснил обкому, что действия Ш. являются злостным хулиганством, сопряженным с нанесением телесных повреждений, и условное наказание при данном составе преступления законом не предусмотрено [57, л. 7; 59, л. 48—50, 54, 78].

Таблица 4

Количество публикаций о хулиганствах в областных газетах «Волжская коммуна» и «Ульяновская правда» в 1945—1953 гг. с указанием доли в общем количестве публикаций на криминальную тему в процентах

Период/год	«Волжская коммуна»	«Ульяновская правда»
Июнь — декабрь 1945	1 (3,33%)	1 (7,14%)
1946	8 (9,30%)	3 (6,81%)
1947	1 (1,69%)	—
1948	3 (5,88%)	1 (3,22%)
1949	3 (3,86%)	—
1950	1 (2,32%)	—
1951	1 (4,54%)	3 (16,6%)
1952	2 (5,71%)	1 (3,70%)
Январь — сентябрь 1953	2 (10,00%)	3 (9,37%)

Составлено по: [2—3; 64—65].

В определенной степени поверхностное отношение региональных партийных организаций к проблеме хулиганства прослеживается в областной периодической печати Куйбышевской и Ульяновской областей. Один из важнейших инструментов профилактики был ориентирован на предупреждение корыстных преступлений в отношении социалистической собственности. Так, из 424 публикаций на криминальные темы в «Волжской коммуне» 161 была посвящена корыстным преступлениям в аграрном секторе, 116 — должностным преступлениям, 40 — ограблениям и разбойным нападениям. Приговоры хулиганам были озвучены лишь в 22 публикациях. В газете «Ульяновская правда» из 257 публикаций, содержащих информацию об уголовных преступлениях, хулиганства фи-

гурировали в 12, в то время как корыстные преступления в сельском хозяйстве — в 112, должностные преступления — в 98. Приведенные выше данные позволяют утверждать, что для партийных и советских органов борьба с хулиганством не являлась приоритетным направлением противодействия уголовной преступности в исследуемый период.

Заключение

Рост числа хулиганств в Куйбышевской и Ульяновской областях в 1945—1946 гг. вскрыл основные проблемы правоохранительных органов. Тем не менее такие недостатки, как некомплект кадров, несоответствие сети отделений текущим задачам, низкое вовлечение общественности, в исследуемый период преодолены не были. По мере упрощения продажи населению алкогольных напитков число случаев злостных нарушений общественного порядка увеличивалось, чему также способствовала весьма мягкая карательная политика. Как региональные, так и районные партийные организации даже в начале 1950-х гг. не воспринимали хулиганство как опасное уголовное деяние, отдавая приоритет борьбе с имущественными преступлениями в отношении государственной и общественной собственности. Между тем данный вид преступных действий получил особое распространение именно в молодежной среде, что требовало консолидации усилий не только правоохранительных и судебно-следственных органов, но и комсомольских и профсоюзных организаций, чего осуществлено не было. Также в силу экономической политики государства не было предпринято ни одной попытки сократить объем реализации населению алкогольных напитков. В результате всеобщего попустительства удельный вес хулиганства в структуре криминогенной обстановки увеличился за период 1949—1953 гг. с 5 до 16% в Ульяновской области и с 3 до 22% в Куйбышевской области, а само преступление стало самым массовым некорыстным уголовно наказуемым деянием.

Список использованных источников и литературы

1. Вериков В. В. Добровольные народные дружины: история и перспективы в обеспечении охраны общественного порядка в России // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2022. № 2 (58). С. 89—95.
2. Волжская коммуна. 1945. 1 июня. № 105 (7801).
3. Волжская коммуна. 1953. 30 сент. № 231 (10182).
4. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 8. Оп. 3. Д. 115.
5. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 279.
6. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 9. Д. 74.
7. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 9. Д. 75.
8. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 9. Д. 76.
9. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 10. Д. 151.
10. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 10. Д. 152.
11. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 10. Д. 425.
12. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 11. Д. 416.
13. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 7.
14. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 9.
15. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 12.
16. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 16.
17. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 17.
18. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 23.
19. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 24.
20. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 25.
21. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 26.
22. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 30.
23. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 33.
24. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 36.
25. ГАНИУО. Ф. 4392. Оп. 1. Д. 37.

26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408.
27. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234.
28. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 28а.
29. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-2520. Оп. 7. Д. 88.
30. ГАУО. Ф. Р-2520. Оп. 7. Д. 94.
31. ГАУО. Ф. Р-2520. Оп. 7. Д. 125.
32. ГАУО. Ф. Р-3027. Оп. 1. Д. 1.
33. ГАУО. Ф. Р-3027. Оп. 1. Д. 5.
34. ГАУО. Ф. Р-3027. Оп. 1. Д. 12.
35. ГАУО. Ф. Р-3027. Оп. 1. Д. 17.
36. ГАУО. Ф. Р-3027. Оп. 1. Д. 22.
37. ГАУО. Ф. Р-3027. Оп. 1. Д. 27.
38. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 гг. М. : РОССПЭН, 2000. 229 с.
39. История советской милиции : в 2 т. / под ред. Н. А. Щелокова. Т. 2. М. : Академия МВД СССР, 1977. 338 с.
40. Клинова М. А. Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е — конец 1980-х гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2009. № 2 (76). С. 60—63.
41. Курицына Е. В. Амнистия 1953 г. и ее влияние на криминализацию общественной жизни в СССР (на материалах Пензенской области) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 764—768.
42. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. М. : Норма, 1997. 497 с.
43. По следам неопубликованных писем // Ульяновская правда. 1946. 13 сент. № 183 (912). С. 2.
44. Попова А. Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945—1950-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 62—70. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70.
45. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 9. Д. 140б.
46. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 9. Д. 154.
47. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 9. Д. 156.
48. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 24. Д. 26.
49. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 64. Д. 30.
50. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 73. Д. 449.
51. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 80. Д. 422.
52. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 94. Д. 34.
53. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 94. Д. 35.
54. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 108. Д. 26.
55. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 109. Д. 16.
56. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 109. Д. 18.
57. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 116. Д. 43.
58. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 116. Д. 119.
59. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 116. Д. 389.
60. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1452.
61. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1722.
62. Советская милиция: история и современность. 1917—1987 / под ред. А. В. Власова. М. : Юридическая литература, 1987. 335 с.
63. Суверов Е. В., Шишан Д. Г. Соблюдение социалистической законности сотрудниками органов внутренних дел (милиции) РСФСР (1945—1949 гг.) в борьбе с преступностью // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1 (42). С. 124—132.
64. Ульяновская правда. 1945. 1 июня. № 106 (583).
65. Ульяновская правда. 1953. 30 сент. № 179 (2730).
66. Усилить борьбу с хулиганством // Волжская коммуна. 1945. 25 июля. № 144 (7840). С. 3.
67. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945—1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 359 с.
68. Хулиган // Волжская коммуна. 1949. 6 марта. № 48 (8775). С. 4.

69. Хулиган наказан // Ульяновская правда. 1953. 11 февр. № 30 (2563). С. 4.
70. Хулиган осужден // Ульяновская правда. 1953. 13 окт. № 206 (2739). С. 4.
71. Хулиганы наказаны // Волжская коммуна. 1953. 28 июня. № 151 (10102). С. 4.
72. Хулиганы наказаны // Ульяновская правда. 1953. 23 авг. № 170 (2703). С. 4.
73. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2972. Оп. 5. Д. 3.
74. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 5. Д. 7.
75. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 5. Д. 12.
76. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 5. Д. 18.
77. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 5. Д. 27.
78. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 5. Д. 41.
79. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 5. Д. 57.
80. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 5. Д. 74.
81. ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 5. Д. 94.
82. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953 / сост.: В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Менюк, М. Ю. Прозуменщиков, О. В. Хлевнюк. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 496 с.

Поступила в редакцию 29.08.2022

Пашкин Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, директор¹, докторант²

¹ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области
Российская Федерация, 432063, г. Ульяновск, ул. А. Матросова, 16

² Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
Российская Федерация, 432071, г. Ульяновск, пл. Ленина, 4/5

E-mail: pashkin.ag@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2602-1806

UDC 94(470.42+470.43)“1945/1953”:343.593

A. G. Pashkin

Hooliganism and the fight against it on the territory of Kuibyshev and Ulyanovsk regions in 1945—1953

The article presents the results of a comprehensive analysis of the dynamics of the number and causes of hooligan manifestations, as well as the activities of the police, prosecutors and courts to combat this type of crime in the Kuibyshev and Ulyanovsk regions in the post-war period. In the course of the study, it was found that the orientation of law enforcement and judicial-investigative bodies to strengthen the fight against property crimes, the lack of personnel in the police, the low percentage of the population's involvement in the brigade did not allow the development of an effective method for suppressing hooliganism during the study period. At the same time, the regional party organizations did not consider malicious violations of public order as a dangerous criminal act, which had a negative impact on the quality and quantity of preventive measures. Reducing the volume of alcoholic beverages sold to the population as the most effective way to reduce the number of hooligan manifestations was not implemented for economic reasons. As a result, in the early 1950s in the Middle Volga region, hooliganism became the most common disinterested criminal act.

Key words: Mid-Volga region, criminal offense, hooliganism, police.

Pashkin Andrey Gennadyevich, Candidate of Historical Sciences, Director¹, Doctoral student²

¹ State Archive of contemporary History of the Ulyanovsk region

Russian Federation, 432063, Ulyanovsk, ul. A. Matrosova, 16

² Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov

Russian Federation, 432071, Ulyanovsk, pl. Lenina, 4/5

E-mail: pashkin.ag@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2602-1806

References

1. Verikov V. V. Dobrovol'nye narodnye družiny: istoriya i perspektivy v obespechenii okhrany obshchestvennogo porjadka v Rossii [Volunteer people's guards: history and prospects in protecting public order in Russia]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta — Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University*, 2022, no. 2 (58), pp. 89—95. (In Russian)
2. *Volzhskaya kommuna*, 1945. June 1, no. 105 (7801). (In Russian)
3. *Volzhskaya kommuna*, 1953. Sept. 30, no. 231 (10182). (In Russian)
4. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Ul'yanovskoi oblasti* [State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk Region] (GANIUO). F. 8. Op. 3. D. 115.
5. GANIUO. F. 8. Op. 3. D. 279.
6. GANIUO. F. 8. Op. 9. D. 74.
7. GANIUO. F. 8. Op. 9. D. 75.
8. GANIUO. F. 8. Op. 9. D. 76.
9. GANIUO. F. 8. Op. 10. D. 151.
10. GANIUO. F. 8. Op. 10. D. 152.
11. GANIUO. F. 8. Op. 10. D. 425.
12. GANIUO. F. 8. Op. 11. D. 416.
13. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 7.
14. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 9.
15. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 12.
16. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 16.
17. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 17.
18. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 23.
19. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 24.
20. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 25.
21. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 26.
22. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 30.

23. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 33.
24. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 36.
25. GANIUO. F. 4392. Op. 1. D. 37.
26. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. R-7523. Op. 89. D. 4408.
27. GARF. F. R-9401. Op. 2. D. 234.
28. GARF. F. R-9415. Op. 3. D. 28a.
29. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti* [State Archive of the Ulyanovsk Region] (GAUO). F. R-2520. Op. 7. D. 88.
30. GAUO. F. R-2520. Op. 7. D. 94.
31. GAUO. F. R-2520. Op. 7. D. 125.
32. GAUO. F. R-3027. Op. 1. D. 1.
33. GAUO. F. R-3027. Op. 1. D. 5.
34. GAUO. F. R-3027. Op. 1. D. 12.
35. GAUO. F. R-3027. Op. 1. D. 17.
36. GAUO. F. R-3027. Op. 1. D. 22.
37. GAUO. F. R-3027. Op. 1. D. 27.
38. Zubkova E. Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945—1953 gg.* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945—1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 229 p. (In Russian)
39. *Istoriya sovetskoi militsii: v 2 t. T. 2* [History of the Soviet militia. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Akademiya MVD SSSR Publ., 1977. 338 p. (In Russian)
40. Klinova M. A. *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya potrebleniya alkogolya zhitelyami SSSR (1940-e — konets 1980-kh gg.)* [Modern Russian historiography of alcohol consumption in the USSR in 1940s — end 1980s]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' — Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity*, 2009, no. 2 (76), pp. 60—63. (In Russian)
41. Kuritsyna E. V. *Amnistiya 1953 g. i ee vliyanie na kriminalizatsiyu obshchestvennoi zhizni v SSSR (na materialakh Penzenskoi oblasti)* [The amnesty of 1953 and its impact on the criminalization of public life in the USSR (on the materials of the Penza region)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 764—768. (In Russian)
42. Lunev V. V. *Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii: Mirovoi kriminologicheskii analiz* [Crime of the twentieth century. World, Regional and Russian Trends: World Criminological Analysis]. Moscow, Norma Publ., 1997. 497 p. (In Russian)
43. *Po sledam neopublikovannykh pisem* [In the wake of unpublished letters]. *Ul'yanovskaya Pravda*, 1946. Sept. 13, no. 183 (912), pp. 2. (In Russian)
44. Popova A. D. *Front posle pobedy: prichiny rosta prestupnosti v SSSR v poslevoennye gody (1945—1950-e gg.)* [Battle after victory: causes of the post-war crime rate increase (1945—1950)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, vol. 23, no. 1, pp. 62—70. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70. (In Russian)
45. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Samara Regional State Archive of Socio-Political History] (SOGASPI). F. 656. Op. 9. D. 140b.
46. SOGASPI. F. 656. Op. 9. D. 154.
47. SOGASPI. F. 656. Op. 9. D. 156.
48. SOGASPI. F. 656. Op. 24. D. 26.
49. SOGASPI. F. 656. Op. 64. D. 30.
50. SOGASPI. F. 656. Op. 73. D. 449.
51. SOGASPI. F. 656. Op. 80. D. 422.
52. SOGASPI. F. 656. Op. 94. D. 34.
53. SOGASPI. F. 656. Op. 94. D. 35.
54. SOGASPI. F. 656. Op. 108. D. 26.
55. SOGASPI. F. 656. Op. 109. D. 16.
56. SOGASPI. F. 656. Op. 109. D. 18.
57. SOGASPI. F. 656. Op. 116. D. 43.
58. SOGASPI. F. 656. Op. 116. D. 119.
59. SOGASPI. F. 656. Op. 116. D. 389.
60. SOGASPI. F. 714. Op. 1. D. 1452.
61. SOGASPI. F. 714. Op. 1. D. 1722.
62. *Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost'. 1917—1987* [Soviet militia: history and modernity. 1917—1987]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1987. 335 p. (In Russian)

63. Suverov E. V., Shishan D. G. Soblyudenie sotsialisticheskoi zakonnosti sotrudnikami organov vnutrennikh del (militsii) RSFSR (1945—1949 gg.) v bor'be s prestupnost'yu [Observance of socialist legality by the internal affairs bodies (militia) officers of the RSFSR (1945—1949) in the fight against crime]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2021, no. 1 (42), pp. 124—132. (In Russian)
64. *Ul'yanovskaya Pravda*, 1945. June 1, no. 106 (583). (In Russian)
65. *Ul'yanovskaya Pravda*, 1953. Sept. 30, no. 179 (2730). (In Russian)
66. Usilit' bor'bu s khuliganstvom [Strengthen the fight against hooliganism]. *Volzhsкая коммуна*, 1945. July 25, no. 144 (7840), pp. 3. (In Russian)
67. Khasyanov O. R. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo krest'yanstva perioda pozdnego stalinizma. 1945—1953 gg.: na materialakh Kuibyshevskoi i Ul'yanovskoi oblastei* [Daily life of the Soviet peasantry in the period of late Stalinism. 1945—1953: based on the materials of the Kuibyshev and Ulyanovsk regions]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 359 p. (In Russian)
68. Khuligan [Hooligan]. *Volzhsкая коммуна*, 1949. March 6, no. 48 (8775), pp. 4. (In Russian)
69. Khuligan nakazan [Hooligan punished]. *Ul'yanovskaya Pravda*, 1953. Febr. 11, no. 30 (2563), pp. 4. (In Russian)
70. Khuligan osuzhden [Hooligan convicted]. *Ul'yanovskaya Pravda*, 1953. Oct. 13, no. 206 (2739), pp. 4. (In Russian)
71. Khuligany nakazany [Hooligans punished]. *Volzhsкая коммуна*, 1953. June 28, no. 151 (10102), pp. 4. (In Russian)
72. Khuligany nakazany [Hooligans punished]. *Ul'yanovskaya Pravda*, 1953. Aug. 23, no. 170 (2703), pp. 4. (In Russian)
73. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of the Samara Region] (TsGASO). F. R-2972. Op. 5. D. 3.
74. TsGASO. F. R-2972. Op. 5. D. 7.
75. TsGASO. F. R-2972. Op. 5. D. 12.
76. TsGASO. F. R-2972. Op. 5. D. 18.
77. TsGASO. F. R-2972. Op. 5. D. 27.
78. TsGASO. F. R-2972. Op. 5. D. 41.
79. TsGASO. F. R-2972. Op. 5. D. 57.
80. TsGASO. F. R-2972. Op. 5. D. 74.
81. TsGASO. F. R-2972. Op. 5. D. 94.
82. Denisov V. V., Kvashonkin A. V., Malashenko L. N., Menyuk A. I., Prozumenshchikov M. Yu., Khlevnyuk O. V. (comp.) *TsK VKP(b) i regional'nye partiinye komitety. 1945—1953* [Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and regional party committees. 1945—1953]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2004. 496 p. (In Russian)